

КЛИНИКО-КАТАМНЕСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ У ДЕТЕЙ В ОСНОВНЫЕ ВОЗРАСТНЫЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ

Ж.В. Альбицкая, Л.Н. Касимова, В.В. Дворянинова

*ГБОУ ВПО Нижегородская Государственная Медицинская Академия
Министерства здравоохранения Российской Федерации*

Психические расстройства занимают важное место среди причин инвалидности у детей, что приводит к существенному ухудшению качества их жизни с тяжелыми социально-экономическими последствиями для и семьи и государства [5, 11, 21]. Проблема умственной отсталости продолжает занимать одно из основных мест в структуре психической патологии детей и, несмотря на длительную историю ее изучения, привлекает в настоящее время пристальное внимание разных специалистов (врачей общей практики, психиатров, психологов, дефектологов, педагогов) и отражает сохраняющийся интерес к вопросам ее этиопатогенеза, диагностики, дифференциальной диагностики и клинической динамики в связи с высокой степенью инвалидизации и проблемами социальной адаптации указанной категории больных [1, 7–9, 13, 14, 20]. Обращает на себя внимание, прежде всего, факт несвоевременной «отсроченной» возрастной диагностики умственной отсталости на этапе незавершенного онтогенеза, длительное и необоснованное наблюдение детей с диагнозом задержка психического развития, а также объективные трудности дифференциальной диагностики умственной отсталости легкой степени и иных нарушений психического развития до завершения подросткового возраста [3, 6, 15, 17]. Самостоятельной актуальной проблемой в психиатрии является изучение клинической динамики умственной отсталости [2, 4, 12]. В процессе уточнения клиники «врожденного слабоумия», которое изначально рассматривается как стабильное малопрогрессирующее состояние, произошло формирование представлений о его клинико-динамических закономерностях, и в случае своевременной диагностики – возможности умеренной компенсации состояния и более успешной социальной адаптации [3, 6, 10, 17, 18]. Тем не менее, катамнестические исследования возрастной динамики УО легкой степени единичны и касаются преимущественно отдельных аспектов социальной адаптации. Анализ литературных

данных подтвердил, что в настоящее время недостаточно достоверных данных о нарушениях психического развития у детей с различной психической патологией, дифференцированных по годам жизни, что, несомненно, можно отнести и к изучению умственной отсталости [3, 12, 16, 19, 20]. Исходя из вышеизложенного, назрела необходимость определения опорных пунктов и «тревожных» симптомов патологического развития детей с УО легкой степени в основные возрастные периоды и создание алгоритмов для своевременной и адекватной диагностики.

Целью исследования явилось изучение клинико-динамической картины умственной отсталости легкой степени в основные периоды развития ребенка (от рождения до 1 года, в раннем возрасте – с 1 года до 3 лет, дошкольном – с 4 до 7 лет, раннем школьном – с 7 до 10 лет и подростковом – с 11 до 14 лет) и определение «тревожных» симптомов и алгоритмов диагностики, характерных для каждой возрастной группы.

Материалы и методы исследования

В клинико-катамнестическую выборку вошли 327 детей с диагнозом УО легкой степени (F70.x по МКБ-10) в возрасте от рождения до 14 лет, которые были распределены на пять возрастных групп. 121 ребенок находился под личным наблюдением. Анализ проводился на основании изучения историй развития детей, результатов опроса родителей и данных экспериментально-психологического исследования. В исследовании учитывалась патология всех сфер психической деятельности (моторная, речевая, когнитивная, эмоционально-волевая), а также нарушение социальной адаптации и поведения.

Результаты и обсуждение

В возрасте с рождения до 1 года нарушения моторного развития отмечались у 66,7% детей, но отставания по срокам были незначительны (в пределах

1–1,5 мес.) и не всегда замечались родителями. 25,7% детей позднее начинали фиксировать взгляд, держать голову и переворачиваться; в 59,9% отмечалась задержка формирования перцептивных функций: реакции на световые и звуковые раздражители, яркую игрушку; навыки сидения в 48,6% случаев формировались к 9–9,5 месяцам; 30% детей не овладели рефлексом ползания, а у 14,4% детей этот рефлекс появился только после стояния у опоры к 11 месяцам. В 37,9% случаев у детей запаздывали сроки становления ходьбы (первые самостоятельные шаги ребенок делал в 13–14 мес.). Развитие предречевого этапа (формирование лепета, гуления, произнесение первых звуков и слогов) в 88,7% случаев не отставало от возрастных сроков, но при этом лепет и гуление были невыразительными и редкими. Эмоционально-волевая сфера у детей данной группы также имела свои особенности. Обращало на себя внимание, что характерный для периода новорожденности «крик-плач», свидетельствующий о физиологических потребностях ребенка, был мало выражен в 64,2%. Дети слабо реагировали плачем на непривычные звуковые и световые раздражители, голод, мокрые пеленки, любой дискомфорт. Нами было отмечено, что в 34,9% дети никак не реагировали в ответ (в норме – реакция «гнева-протеста») на прекращение общения с ними, ограничение свободы движений, отбирание игрушек. «Комплекс оживления» у детей с умственной отсталостью легкой степени имел свои особенности – дети неактивно реагировали на лицо матери, мало улыбались и не сопровождали свои эмоции различными звуками, слабо дифференцировали близких и чужих. В поведении детей данной возрастной группы отмечались сонливость и вялость в течение дня. В возрасте от 1 года до 4 лет у 61,5% детей приобретенные моторные навыки характеризовались их несовершенством, моторной неловкостью, нарушением равновесия, частыми падениями, неуверенностью при стоянии и ходьбе; 20,5% детей, уже овладев самостоятельной ходьбой, продолжали движение, только держась за руку взрослого; у 15,9% детей была отмечена утрата приобретенных моторных навыков на период 1–3 месяца после падений, испуга или соматического заболевания. Уверенная самостоятельная походка с нормальной координацией движений формировалась ближе к 3 годам, но с выраженной моторной неловкостью. Тонкая моторика была недоразвита в 76,7% случаев и проявлялась в неумении детей застегивать пуговицы, завязывать шнурки, правильно держать ложку и ручку, перебирать мелкие детали. Особое место в структуре психического недоразвития детей в данный возрастной период занимали речевые нарушения, которые в большинстве случаев обращали на себя первичное внимание родителей. Первые слова у детей в 82,9% появлялись только к 24±3 месяцам, словарный запас не соответствовал возрастной норме и до 3х лет оставался в пределах 10–15 простых слов

и слогов. Простая фразовая речь, состоящая из двух-трех слов, была выявлена к трем годам только у 10,1% детей данной группы и характеризовалась бедными интонациями, неправильным употреблением родов и согласованием глаголов. Интеллектуальные нарушения в возрасте проявлялись в особенностях игровой деятельности и поведении. Практически у 100% пациентов было отмечено позднее формирование навыков самообслуживания и опрятности (дети самостоятельно не могли держать ложку, пить из чашки, не умели пользоваться горшком). Игры детей представляли собой простое манипулирование предметами, не отличались живостью и интересом к узнаванию нового, понятием и принятием правил игры. 54,6% детей не могли изобразить звуками животное, если им показывали игрушку, 27,5% не понимали разницы между понятиями «мальчик–девочка», часто путая их по отношению к себе. В совместной игре с другими детьми выявлялись безучастность, невыразительная мимика, непонимание похвалы со стороны взрослых и быстрое угасание интереса к происходящему. Свои особенности отмечались и в эмоционально-волевой сфере, которая была несовершенна и недоразвита. Нарушения проявлялись у 72,8% детей капризностью, не соответствующей возрасту, в 48,9% случаев – раздражительностью, повышенной возбудимостью, а у 33,3% пациентов раннего детского возраста отмечались постоянная плаксивость и грустное настроение. В основном, в раннем возрасте в этой группе преобладали элементарные эмоции – чувства удовольствия–неудовольствия. Социальная адаптация в нашем исследовании включала в себя оценку навыков коммуникации, самообслуживания, межличностного общения, эмпатии, умением находиться в микросоциальной среде и сохранением приобретенных навыков, имеющих отношение к практической жизни. Навыки самообслуживания и самоопрятности в 85,9% наблюдений формировались со значительным опозданием, а 64,5% детей не могли обходиться без посторонней помощи. Практически у всех детей данного возраста отмечались трудности в установлении контактов со сверстниками, так как они не понимали их интересов, смысла и правил тех или иных игр. Игровая деятельность, соответствующая возрасту проявлялась лишь у 11,9% детей и отличалась однообразием, неумением принять правила игры и играть в детском коллективе, следствием чего являлось избегание контактов, отстранение или в 26,9% случаев агрессивное поведение и драчливость. Приобретенные практические навыки дети использовали, как правило, не по назначению, не проявляя живости и интереса к обучению и получению новых знаний и умений. В дошкольном возрасте (с 4 до 7 лет) двигательные нарушения проявлялись значимо только в сфере мелкой моторики. Дети неправильно держали столовые приборы, ручку и карандаш, с трудом завязывали различные виды узлов, плели

косички из лент. Особые трудности при рисовании вызывали задания «нарисовать прямую линию», «обвести предмет по пунктиру», «заштриховать рисунок, не выходя за границы». Речевое развитие в данном возрасте характеризовалось поздним формированием развернутой фразовой речи, крайне бедным словарным запасом, примитивностью и аграмматизмами. Практически в 83,8% случаев основной была проблема в медленном накоплении словарного запаса. Нами было отмечено, что в данной группе пассивный словарь значительно преобладал над активным. Известные детям слова они употребляли в самой элементарной связи, относя их к конкретным предметам или действиям; обобщающее значение слов им было недоступно. У 16,2% детей, несмотря на имеющийся достаточный запас слов, была заметно нарушена смысловая сторона речи. Словесные определения, не связанные с конкретной, привычной ситуацией, усваивались с большим трудом и очень медленно. Так же медленно формировался и грамматический строй речи. Речь больных обычно была маловыразительна, односложна, в ней преобладали речевые штампы, короткие, часто непонятные фразы, шаблонность, неправильно расставленные ударения и ненужные паузы. Длительное время сохранялась тенденция к задержке понимания обращенной речи. В построении предложений встречались, в основном, существительные, глаголы и местоимения, преимущественным образом собственные имена, предметы ежедневного обихода и простые просьбы. У 73,9% детей при логопедическом обследовании были выявлены различные специфические нарушения звукопроизношения, пропуск, искажение или замена звуков, опускание окончаний, дислалия. В возрасте 6,5–7 лет 81,6% детей (n=267) по решению медико-психолого-педагогической комиссии было проведено экспериментально-психологическое исследование с целью определения уровня интеллекта, в результате которого было выявлено недостаточность всей когнитивной деятельности. У всех детей данной группы особенно были нарушены способность к анализу, логическому обобщению и абстрактному мышлению, то есть те психические функции, которые составляют основу интеллекта. В подавляющем большинстве (76% от данной выборки) при УО легкой степени дети адекватно воспринимали окружающий мир, но их представления были нечеткими и малодифференцированными. Они не фокусировались на деталях, второстепенных признаках предметов и явлений, с трудом (или с помощью) находили сходство и различие между предметами. Такие пациенты не могли (без наводящих вопросов) по характерным признакам высказать суждение о предмете, явлении, создавшейся ситуации, самостоятельно оценить ситуацию и найти в ней свое место. К 7 годам у 100% детей все более отчетливо выявлялась недостаточность отвлеченного мышления, слабость предположений интеллекта, в частности внимания, памяти,

психической работоспособности. Недостаточность восприятия при УО во многом была обусловлена нарушениями целенаправленного произвольного внимания, которое с трудом привлекалось и фиксировалось, легко рассеивалось; также отмечалась и «непрочность» запоминания. Для дошкольного возраста были характерны отсутствие побуждений к интеллектуальным формам игровой деятельности и повышенный интерес к подвижным, бесцельным и неролевым играм. В эмоционально-волевой сфере отмечались примитивные реакции и недостаточная дифференцированность высших эмоций – проявлений сочувствия, стыда, личностных привязанностей. Элементарные эмоции были относительно сохранены. Преобладали, главным образом, непосредственные переживания, эмоции, вытекающие из конкретной ситуации и деятельности, актуальные только в данный момент. Волевая деятельность характеризовалась слабостью побуждений и инициативы, недостаточной самостоятельностью. Дети не понимали субординации, были навязчивы, «прилипчивы», требовали постоянного к себе внимания. У 43,4% детей отмечалась постоянная и беспричинная смена настроения – веселость сменялась плачем или агрессией. 19,6% детей данной группы постоянно находились в депрессивном состоянии, были грустными, плаксивыми, малообщительными, не получали удовольствия от различных игр и развлекательных мероприятий, на занятиях были вялыми и сонливыми; они были не способны реагировать на чужую радость или горе, чувствовать тонкие оттенки переживаний и не умели сопереживать. Ведущими признаками в этой группе детей были сиюминутные желания, эмоции и влечения, в результате чего их деятельность характеризовалась импульсивностью и немотивированностью поступков. Нарушения социальной адаптации в дошкольном возрасте были менее выражены, чем в раннем возрасте, что проявлялось постепенным совершенствованием навыков самообслуживания и самоопрятности, которые были приобретены 71 ребенком (21,7 %) к 4 годам, 228 детей (69,7%) овладели навыками к 5 годам, и только 28 пациентов (8,6%) научились этому в первый год обучения в школе. В школьном возрасте (с 7 до 11 лет) двигательных нарушений у детей не отмечалось. В речевом развитии обращало на себя внимание трудно коррегируемое нарушение звукопроизношения, дислалия, редкое употребление в речи сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, особенно сильно страдала смысловая сторона заданий и способность к пересказу своими словами. В развитии когнитивных функций основное место в клинической картине занимала тотальная недостаточность познавательной деятельности, нарушение внимания, памяти, конкретность мышления, отсутствие интереса к учебной деятельности. Были характерны застреваемость, слабость критической оценки поведения, а также окружающей действительности

и в тоже время у детей отмечалась возрастающая способность к самостоятельным действиям и обобщениям, успешному использованию помощи взрослых. Интеллектуальные и личностные особенности, характерные для больных олигофренией, наиболее отчетливо выступали при экспериментально-психологическом исследовании (ЭПИ). По его результатам у обследованных 88,4% детей (n=289) были описаны замедленность и бедность восприятия, однообразие и диспластичность моторных реакций, скованность мимики и жестов, слабость памяти, как в отношении запоминания, так и хранения и воспроизведения информации, недостаточность внимания, дефекты произношения и затруднения в понимании речи, множественные нарушения речевых функций. Отмечались расплывчатость и недифференцированность понятий, низкий уровень отвлечения и обобщения, невозможность выйти за пределы непосредственного опыта, а также незрелость мотивации, слабость борьбы мотивов, недостаточность волевых функций, повышенная внушаемость. Недостаточность гнозиса, праксиса, речи, эмоций, памяти проявлялась значительно меньше, чем мышления, что было особенно типично для УО легкой степени. В восприятии преимущественно нарушалось звено анализа и синтеза воспринимаемого, перцепция целостных образов и схем предметов, при запоминании – смысловые связи, способность к использованию опосредованных приемов запоминания. Умственная отсталость легкой степени в данной возрастной группе характеризовалась сугубо конкретным мышлением, непониманием условного смысла пословиц и поговорок, малым запасом знаний, примитивностью суждений, ограниченным кругом интересов, неспособностью сопоставления каких-либо фактов, установления связей между явлениями, препятствующими приобретению и последующему использованию жизненного опыта и обнаруживали способность лишь к установлению наиболее элементарных причинно-следственных связей. Они с трудом определяли последовательность событий по сериям сюжетных картинок из 4–5 элементов и обнаруживали противоречия в простейших изображенных ситуациях. Эмоционально-волевая сфера характеризовалась незрелостью и примитивностью эмоций и волевых действий. Особенно в этот возрастной период обращало на себя внимание нарушение волевой деятельности. Внешне это выражалось в хаотичном поведении, произвольных и нецеленаправленных движениях и поступках. У 50% детей в более младшем возрасте (7–8 лет) это выражалось в подчиняемости чужому влиянию, а к 10–11 годам такие дети не проявляли настойчивости и инициативы в достижении какой-либо цели. Поведение носило импульсивный характер и подчинялось желаниям и эмоциям, которые главенствовали в данный момент. Уже в этой возрастной группе можно было выделить различные

типы эмоционального реагирования, которые были разделены нами на 3 группы (эйфорический, дисфорический и депрессивный). При эйфорическом синдроме (n=219, 67%) отмечалось стойкое повышенное настроение с оттенками беспечности, беззаботности, безразличием к окружающему, иногда с примитивными фантазиями, касающимися ребенка и его узкого круга интересов. Переживания и привязанности этих детей были поверхностны и непрочно; дети не придавали значения своим неудачам, не сопереживали близким, посвящая свою деятельность тому, что приносило им удовольствие, постоянно переключаясь на разные виды деятельности. Дети с дисфорическим синдромом (n=47; 14,4%) постоянно находились в злобно-тоскливом настроении, обижали младших, грубили воспитателям. В 6,3% случаев на высоте эмоционального напряжения у детей отмечался истерический припадок. У 7 пациентов из данной выборки отмечался стойкий синдром уходов и бродяжничества. При депрессивном синдроме (n=59; 18%) в поведении были выражены заторможенность, практически полное отсутствие интересов, стремлений к какой-либо деятельности, предпочтение находиться одним вне окружения других детей или только с преподавателем или воспитателем. Такие дети отличались плаксивостью, вялостью, постоянно требовали к себе особого внимания, не получив которого уединялись, не реагировали на просьбы, различные раздражители, могли демонстративно отказываться от приема пищи. У них полностью отсутствовала мотивация ко всем видам групповой деятельности. По мере взросления у данной возрастной группы улучшалась социальная адаптация. Так, навыки самообслуживания и опрятности были полностью сформированы у всех 327 детей. Постепенно увеличивался запас знаний об окружающем, запас практических навыков и умений. Дети более обоснованно обращались с просьбой к старшим, с удовольствием выполняли домашнюю работу, принимали участие в общих мероприятиях, постепенно приобретали навыки межличностного общения. К 10–11 годам 83,5% детей самостоятельно пользовались общественным транспортом, 62,3% по просьбе родителей ходили в магазины и совершали простые покупки, а 23,5% учеников занимались дополнительно в кружках и секциях (рисование, рукоделие, спортивные увлечения). В возрасте 11–14 лет отклонения в сфере моторного развития практически не отмечались. Речевое развитие в подростковом возрасте благодаря занятиям и обучению практически не выявило значимых отклонений от нормального развития у здоровых детей, но при более глубоком обследовании отмечались редкое употребление сложных оборотов, непонимание подтекста, обеднение речи прилагательными, союзами и предложениями, специальными обобщающими словами и терминами. Сохранялись трудности в формулировании своих мыслей, оценке содержания

прочитанного и пересказе текста. Интеллектуальная сфера оценивалась по результатам ЭПИ. Практически у 90% детей отмечалась истощаемость произвольного внимания, однако 10% пациентов отличались достаточно хорошей работоспособностью и выносливостью к доступным мыслительным и физическим нагрузкам. Восприятие было поверхностным и сочеталось с недоразвитием и ригидностью мышления. Память (кратковременная и долговременная) отличалась замедленным темпом запоминания, непрочностью фиксации, неправильным воспроизведением. У 28,1% в нашем исследовании была выявлена отличная механическая память, которая позволила этим детям в будущем продолжить обучение в профессиональных училищах. В мыслительной сфере были заметны инертность, ригидность, низкая переключаемость мышления. Поскольку специфическим признаком УО является нарушение высших форм мышления – понятийного, абстрактно-логического и творческого, такая патология была присуща всем 100% детей данной группы. Отмечались трудности при переносе заученного материала и навыков в другие ситуации и практическую жизнь, выделение главного и второстепенного, затруднены процессы синтеза и анализа. Необходимо отметить, что при ЭПИ было выявлено достаточное практическое мышление, сохранность которого при УО легкой степени позволяла таким детям хорошо адаптироваться к окружающей среде и обыденной жизни. Свои особенности в подростковый период имела и эмоционально-волевая сфера, неразрывно связанная с когнитивной. Эмоциональная сфера отличалась примитивизмом, лабильностью, слабой дифференцировкой. Практически у всех детей данной группы была выражена неконтролируемая аффективность реакций, которая проявлялась эйфорией (67%), дисфорией (14,4%), депрессивным синдромом (18%), а в 22,4% случаев мориоподобным синдромом с дурашливостью, пуэрильным оттенком поведения, двигательной расторможенностью и нелепыми шалостями и капризами. В период пубер-

татного криза у 58 детей (11 девочек и 47 мальчиков) отмечалась расторможенность низших влечений, открытое проявление сексуальных инстинктов и нарастание проблемы контроля над своими побуждениями и желаниями. К 14 годам у детей с УО легкой степени нами был отмечен достаточный уровень социальной адаптации и возможность обходиться без посторонней помощи. Все дети хорошо владели навыками самообслуживания, могли находиться одни в домашних условиях, приготовить себя простую еду, заниматься домашней работой. У 47% детей было выражено стремление защищать, опекать, заботиться о младших. Все дети, представленные в данном исследовании обучались по программе коррекционной школы VIII вида и начиная с 4 класса получали начальные трудовые навыки с целью дальнейшего приобретения профессии. Девочки осваивали кулинарию, шитье, вязание, садоводство, а мальчики – малярное, столярное и обувное дело. Катамнестические данные показали, что 84% выпускников школы оказались трудоустроенными по выбранной профессии, 2,2% учеников продолжили дальнейшее обучение в сельскохозяйственном техникуме, 9,5% жили на попечении семьи и 4,3% встали на асоциальный путь.

Выводы

Таким образом, по результатам клинико-катамнестического исследования группы детей с УО легкой степени можно сделать выводы, что опорными «тревожными» симптомами УО легкой степени и алгоритмами для возрастной диагностики являются нарушения: в возрасте до 1 года – моторного и эмоционального развития; с 1 года до 4 лет – моторного, речевого развития и навыков социальной адаптации; с 4 до 7 лет – речевого, интеллектуального и эмоционального развития и социальной адаптации; с 7 до 11 лет – интеллектуального и эмоционально-волевого развития и поведения; с 11 до 14 лет – интеллектуального и эмоционально-волевого развития и нарушения поведения при удовлетворительной социальной адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Основы работы с умственно отсталыми детьми. М., 1983. Т. 5. С. 181–187.
2. Галанин И.В. Динамика олигофрений // Материалы научной конференции с международным участием «Бехтеревские чтения». Киров, 2003.
3. Горюнова, А.В., Маслова, О.И., Кузенкова, Л.М. Начальные проявления психических заболеваний у детей грудного и раннего возраста // Вопросы совр. педиатрии. 2006. № 5. С. 55–56.
4. Дамулин И.В. Легкие когнитивные нарушения // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева. 2004. Т. 6, № 2.
5. Демчева, Н.К., Пронина, Л.А., Положая, З.Б. Показатели инвалидности детей по психическому заболеванию в РФ в 2002–2012 гг. // Главврач. 2014. № 5. С. 3–10.
6. Долотова, Н.В., Пыхтина, Л.А., Шанина, Т.Г. Профилактика нарушений здоровья у детей первого года жизни, перенесших перинатальное поражение центральной нервной системы с учетом семейных факторов риска. // Паллиативная медицина и реабилитация. 2013. № 4. С. 25–27.
7. Исаев Д.Н. Умственная отсталость у детей и подростков. Руководство. СПб.: Речь, 2003. С. 282–315.
8. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста: Руководство для врачей. М.: Медицина, 1995. 560 с.
9. Коробейников В.А. Нарушения развития у детей и социальная адаптация. М.: «ПЕР СЭ», 2002. 192 с.
10. Макушкин, Е.В., Жеребцова, В.А. Приоритетные направления охраны здоровья ребенка в неврологии и психиатрии (диагностика, терапия, реабилитация и профилактика). Итоги научно-практической конференции // Вестник новых медицинских технологий. 2011. № 4. Т. 18. С. 291–293.
11. Муралев А.А. Анализ первичной и повторной инвалидности при психических заболеваниях // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии. Москва-Киров, 2003.
12. Потапов В.А. Возрастная динамика интеллектуальных расстройств при ошибочной диагностике олигофрении // Российский психиатрический журнал. 1999. № 6. С. 66–70.
13. Сухарева Г.Е. Лекции по психиатрии детского возраста (избранные главы). М.: Медицина, 1974. 320 с.
14. Шац И.К. Клинико-психологические, социально-педагогические и коррекционные аспекты школьной дезадаптации при психических расстройствах у детей // Социальная и клиническая психиатрия. 2002. Т. 13. Вып. 2. С. 47–51.

15. Arango, C. Attenuated psychotic symptoms syndrome: how it may affect child and adolescent psychiatry // Eur. Child. Adolesc. Psychiatry. 2011. Vol. 20, N 2. P. 67–70.
16. Barron P., Hassiotis A., Banes J. Offenders with intellectual disability: a prospective comparative study // J. Intellect Disabil. Res. 2004. Vol. 48, N 1. P. 69–76.
17. Bugie C. Child development and early intervention centers // Rev. Neurol. 2013. N 34, Suppl. 1. P. 143–148.
18. Garralda M.E., Raynaud J.P. Brain, mind, and developmental psychopathology in childhood. UK. 2012: International Association of Child and Adolescent Psychiatry and Allied Professions (IACAPAP). 2012. 317 p.
19. Gronholm P.C., Ford T., Roberts R.E. et al. Mental health service use by young people: the role of caregiver characteristics. PLoS One. 2015. Vol.10, N 3. 231 p.
20. Kelly B.D. Intellectual disability, mental illness and offending behaviour: forensic cases from early twentieth-century // Ir. J. Med. Sci. 2010. Vol. 179, N 3. P. 409–416.
21. Kinge F., Bjerkedal T. Oligophrenia as a disability diagnosis // Tidsskr Nor Laegereforen. 1994. Vol. 10, N 18. P. 2146–21478.

КЛИНИКО-КАТАМНЕСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТИ У ДЕТЕЙ В ОСНОВНЫЕ ВОЗРАСТНЫЕ ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ

Ж.В. Альбицкая, Л.Н. Касимова, В.В. Дворянинова

В статье рассматриваются проявления нарушений психического развития у детей с умственной отсталостью легкой степени в различные возрастные периоды (до года, ранний, дошкольный, школьный и подростковый). На основании катamnестических данных дается оценка развития всех сфер психической деятельности (моторной, речевой, когнитивной, эмоционально-волевой) и навыков социальной адаптации

с целью определения основных опорных «тревожных» симптомов и разработки алгоритмов для своевременной диагностики данной патологии исходя из возраста ребенка.

Ключевые слова: Умственная отсталость, психические нарушения, возрастная динамика, моторное развитие, речевое развитие, когнитивная сфера, эмоционально-волевое развитие, социальная адаптация.

CLINICAL-FOLLOW-UP INVESTIGATION OF CHILD MENTAL RETARDATION IN MAJOR DEVELOPMENTAL PHASES

Zh.V. Albitskaya, L.N. Kasimova, V.V. Dvoryaninova

The authors consider the features of disordered mental development in children with mild mental retardation at different age periods (under 1 year of age, early pre-school, school age and adolescence). On the basis of follow-up they assess the development of all mental spheres (motor, speech, cognitive, emotional / volitional) and social adjustment skills in order to

determine the core ‘alarm’ symptoms and develop the algorithm for timely diagnosis of these disorders with regard for the child’s age.

Key words: mental retardation, mental disturbances, age-related development, motor development, speech development, cognitive functioning, emotional/volitional development, social adjustment.

Альбицкая Жанна Вадимовна – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры психиатрии и медицинской психологии ГБОУ ВПО «Нижегородская государственная медицинская академии» Минздрава РФ; e-mail: zhanna051267@gmail.com

Касимова Лала Наримановна – доктор медицинских наук, профессор кафедры психиатрии и медицинской психологии ГБОУ ВПО «Нижегородская государственная медицинская академии» Минздрава РФ; e-mail: kasimovaln@inbox.ru

Дворянинова Вероника Владимировна – аспирант кафедры психиатрии и медицинской психологии ГБОУ ВПО «Нижегородская государственная медицинская академия» Минздрава РФ; e-mail: dvoryaninova.nika@yandex.ru